

Николай Полевой

Сохатый

Николай Полевой
Сохатый

«Public Domain»

1830

Полевой Н. А.

Сохатый / Н. А. Полевой — «Public Domain», 1830

«Ты не забыта мною, моя далекая родина, Сибирь, богатая золотом, дремучими лесами, морозами и дивными явлениями природы! Как первые мечты юности, как любимые игры детства, я помню твои вековые кедры, твои безмолвные пустыни, переломленные веками утесы в ущелиях гор и твою безмерную, голубую, как глаза сибирской девы, светлую, как глыба льду, Ангару, на берегах которой беспечно, весело и быстро пролетели дни детства моего...»

© Полевой Н. А., 1830

© Public Domain, 1830

Содержание

1	5
2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Алексеевич Полевой

Сохатый

(Сибирское предание)

1

Сибирь

Ты не забыта мною, моя далекая родина, Сибирь, богатая золотом, дремучими лесами, морозами и дивными явлениями природы! Как первые мечты юности, как любимые игры детства, я помню твои вековые кедры, твои безмолвные пустыни, переломленные веками утесы в ущелиях гор и твою безмерную, голубую, как глаза сибирской девы, светлую, как глыба льду, Ангару, на берегах которой беспечно, весело и быстро пролетели дни детства моего. Сибирь! как далека ты и как близка к душе моей! Все, что впечатлевалось некогда в юную память мою, все помню я, даже гул ветра по сосновым лесам, когда, переходя с мшистых тундр, в твоих дебрях гуляет он, мощный сын Ледовитого моря, и разносит туманы, и природы, и страсти, которые облегают здесь, на Руси, небосклон, и тускнят в глазах моих и великолепные здания, и бархатные луга, и цветущие поля, согреваемые солнцем, распещряемые радугами цветов и пожираемые завистливым человеком. Смотри ли на здешние обнаженные поля, забыть мне твои необозримые, нетронутые степи, Сибирь – *золотое дно!* В тебе живет не много людей – не завидуй многолюдству здешнему: здесь и пороков более, чем в твоих малолюдных городах! Благодарю провидение, что в тебе есть где поместиться и исчезнуть тлетворным преступлениям, которые звуком цепей означают путь свой из здешней стороны и теряются в неизмеримости пустынь твоих, как ручей в волнах Ангары, как следы легкого оленя, по глубокому снегу якутской стороны!

Простите воспоминаниям былого, друзья мои! Заставляя меня рассказать вам одну из былей, слышанных мною в Сибири, в бывалые годы моей юности, вы напомнили мне мою родину, в которой приведет ли меня бог бывать когда-нибудь еще! Дивитесь странностям человеческого сердца: я многое видел с тех пор, как в последний раз с надеждами, с мечтами на будущее – еще юный, еще полный жизни – глядел на Иркутск, над которым великолепно восходило солнце и золотило лучами своими синие воды Ангары и зеленые берега Иркутка... Много времени минуло тому; много испытала душа моя и горя, и радости; много тех, с которыми делилась она, совершили навсегда путь жизни и отдыхают под гробовым дерном... Но где я ни был – и на вершинах Урала, и вблизи Кавказа и Тавриды, и на берегах Азовского моря, и на высланных гранитом берегах Балтийского моря, и на роскошных пажитях Украины – нигде, нет, нигде уже не волновалась так душа моя, не билось так сильно сердце мое, не горела так пламенно голова моя, как там, в дикой моей родине! Это был мир очарований, мир, пролетевший сном мгновенным. Если кто из вас, друзья мои, будет в Иркутске – пусть пойдет он за город, к тому месту, где близ старой, разрушенной мельницы вливается в Ангару Ушаковка. Тут извивистое течение этой речки приведет его к тому месту, где Ушаковка раздвоится островами, где против него на луговой стороне будет старое Адмиралтейство – тут жил отец мой; тут были пределы первого моего мира; тут мечтал я, плакивал за Плутархом, думал быть великим человеком, подобно великим людям, им описанным; горделиво расхаживал по лугу, уединяясь в тень деревьев, вдохновляясь первую любовью, делясь первыми ощущениями дружбы... Там, говорят, все изменилось: старый отцовский дом не существует; добрых людей, которые некогда собирались в нем, разнесла буря жизни, и меня – беспечного юношу – увела судьба далеко от родины... Но обратимся к моему рассказу.

И теперь еще малолюдна Сибирь, и теперь еще дики леса ее; но прежде была она еще малолюднее, леса ее были еще диче. Было время, что воевода, посланный из Москвы, два года ехал до Иркутска, отдыхая в уединенных острогах и зимовьях от дороги бесконечной. Теперь всюду видите уже следы человека: леса прорублены, болота устланы мостами, горы обреты. Часто едете и ныне не встречая живого существа человеческого; но тут же видите, что человек был уже в сих местах, срубил, срыл, замостил и удалился. Прежде вы напрасно искали бы его. Если дерзкое любопытство осмеливалось заходить в чащи лесов, оно встречалось с дикими зверями или – еще хуже – с ордами сибирских дикарей, которые скрывались в отдалениях от русского человека и иногда, с своими стрелами и секирами, приступали даже к городам, русскими застроенным. Русские самопалы гремели тогда против них, и постепенно дикари умирались, становились мирнее и кротче, с тайною досадою, но тише и тише давали ясак и отвыкли наконец от дикой воли, привыкли к неволе образованных обществ, хотя еще не вполне знают выгоды, от нее происходящие.

Но все это делалось не скоро. И за пятьдесят лет Сибирь была далеко не то, что она теперь. Лет пятьдесят назад в Иркутске еще цел был деревянный острог, защищавший город; теперь на этом месте бульвары: судите о разнице по этому.

Преступление уже давно находило в Сибири место наказания. С самого завоевания Сибири Годунов начал бросать в сибирские города людей, возбуждавших его опасения, вельмож, заграждавших ему путь к престолу, а потом угрожавших его трону своими умами или мечами. Мятежные стрельцы толпами были низринуты в Сибирь, и более 100 лет тому, как цена порока и преступления оседает из степи и леса Сибири. Напрасно подумали бы вы, что Сибирь делается от этого местом, где собирается порок и преступление. Нет! *Двадцать и двадцать пять тысяч* человек ежегодно идут из России в Сибирь на железном канате; но их и не видно в Сибири. Убийцы, злодеи, люди, заклеянные преступлением, скрываются, с раскаaniem или с неумолимым грызением совести, в мрачных глубинах рудников, в далеких уединенных местах, где трудами рук своих окупают отринутое обществом бытие свое; и в поте лица снедают хлеб свой. Изгнанники же в Сибирь часто становятся добрыми гражданами. Смело въезжаете в деревню, населенную людьми, сосланными из России, и мирно спите под кровом, который соорудило себе кающееся преступление или бедственная слабость. Но прежде было не так – и в Сибири, и в России. Здесь, на Руси, как часто, лет пятьдесят назад, не было проезда по столбовой дороге; как нередко разбойники ставили притины по Волге, будто правильные войска, и брали дань, не только делились с каждою проходящею *расшивою*¹, с каждым проезжавшим купцом. Когда же злодей попадался в цепи и был уводим в Сибирь, там нередко не знали, что с ним делать. Бывали случаи, что преступники собирались ватагами, бродили по селениям, брали, что им было надобно, и на зиму приходили в городские тюрьмы, откуда весною уходили опять в непроходимые пустыни. Туда часто посылали против них сотни бурятов, сибиряков и казаков, которые захватывали их в *облавы*, как диких зверей, гнались за ними в самые неприступные места, зажигали леса и пожарами выгоняли их из мрачных логовищ. Память об этих старых – и едва ли *добрых* – временах едва осталась в преданиях сибиряков. Но спросите старожилов тамошних, они подтвердят вам мои рассказы. Они еще не забыли даже имен некоторых буйных удальцов, которые наводили страх и трепет на жителей Иркутска и берегов байкальских. Из всех отчаянных голов, которых память осталась в народном предании, никто не страшил столько в свое время, как *Буза* и *Сохатый*. Первый долго был страшилищем Волги и Дона, грабил богатых армян по берегам Каспийского моря и сам отдался в руки правосудия, когда удалось захватить жену его. Буза не отделил судьбы своей от ее судьбы и пошел в Сибирь с нею. Сто человек провожали его, закованного цепью в несколько пудов. Но в Сибири он бежал и много лет не давал проезда по Ангаре. Напрасно казаки и буряты ловили, искали

¹ *Расшива* – большая плоскодонная лодка или парусное судно.

его; поверье народное говорило наконец, что Буза заговаривает ружья, что пуля не берет его, что он скрывается под водою, когда за лодкою его гонится погоня. Стрела бурята разрушила в роковую минуту смерти все очарования, и Буза погиб. Судьба Сохатого, до ссылки его в Сибирь, осталась неизвестною; он никогда не говорил об ней: знали только, что он пришел в Сибирь из пермских лесов, где на душе его, как говорили, легло много убийств и дел ужасных.

2

Каторжный

Перед домом иркутского коменданта толпилось множество народа. Все любопытно глядели на человека, скованного тяжелыми цепями и прикованного к телеге.

Солнце пекло его палящими лучами; он не мог пошевелиться, горько стонал и томился среди толпы, с жадным, но бесчувственным вниманием смотревшей на него. Казаки и буряты стояли вокруг телеги.

В это время подле растворенного окна комендантского дома появилась прелестная девушка. Молодой офицер стоял подле нее и, казалось, не смотрел ни на толпу, ни на несчастного, бывшего предметом внимания толпы: глаза молодого офицера были устремлены на девушку, и при ней ничто для него не существовало.

– Боже милосердый! – сказала девушка сложа руки и подняв голубые глаза свои к небу. – Опять несчастный! Какая ужасная судьба: быть всегда свидетельницею мучений отверженного человечества!

Офицер опомнился, взглянул в окно и сказал с видом невольного содрогания: «Вы не стали бы жалеть о чудовище, которого видите, если бы знали, кто он».

– Человек, и – брат мой! – отвечала девушка с ангельским выражением.

«Брат ваш! Демон брат ангела, Амалия! Это человек, душа которого мрачнее адской тьмы, разбойник, за голову которого обещаны великие награды, который не знает ни совести, ни жалости; словом, Амалия – это Сохатый!»

И Амалия с невольным трепетом отступила от окна: страшное имя разбойника испугало ее. В эту минуту молчания раздирающий стон вылетел из груди Сохатого. «Братцы! – говорил он удушасяемым голосом. – Ослабьте мне шею и дайте глоточек воды... Христа ради, я умираю...»

Казаки захохотали. «Издыхай, издыхай, собака!» – закричал урядник.

– Христа ради! Лучше убейте меня, но не томите. «Молчать!» – загремел урядник, поднимая свою пику. Несчастный закрыл глаза и замолчал. Он не знал, что близ него была душа, понимавшая его страдания. Когда Амалия услышала мольбы Сохатого и бесчеловечные отказы казаков, две крупные слезы покатались из глаз ее. «Вы слышите», – сказала она, поспешно отирая их и обращаясь к офицеру, подле нее бывшему.

– Он просит пить, – сказал офицер хладнокровно, – и ему не дают.

– Флахсман! – вскричала Амалия. – Вас ли я слышу? Как? И вы умеете говорить этим убийственным голосом, каким говорит дядюшка?

Флахсман смутился. «Я не понимаю, что вы хотите сказать...» – отвечал он.

– А вы еще хотите, чтобы я понимала вас! Вы видите перед собою несчастного предметом насмешек глупого любопытства народного; он томится на жару, с засохшим горлом, умирает от жажды.

– Что я могу сделать, Амалия?

– Велите снять его с телеги, дайте ему пить и удалите его от народа.

– Нельзя, Амалия. Это страшный преступник; он дожидается выхода вашего дядюшки, который сам хочет допросить его, но теперь занят в своем кабинете, и велел подождать.

– Он докуривает свою пятую трубку: вот его занятие! А между тем несчастный умирает...

– Он не умрет. Этот человек пять раз бегал из тюрьмы; его не держат ни цепи, ни замки, и я не ручаюсь ни за что, если его хоть на минуту выпустить из глаз.

– Флахсман! будьте милосерды! Я не могу видеть его мучений.

– Чего же вы хотите, Амалия?

– Вы адъютант дядюшки, вас послушают; велите ввести Сохатого в гауптвахту и пошлите ему пить...

– Амалия!

– Вы мне не откажете? – сказала Амалия, приближаясь к нему и смотря на него сквозь слезы. – С тех пор как я в Иркутске, меня непрерывно окружают жертвы правосудия. Я не заступаюсь за них – истребляйте злодеев; но зачем заставляете вы переносить мучения прежде казни? Кто знает глубину души человеческой? Может быть, Сохатый был сначала жертвою несчастной слабости, и только жестокость ваших судей сделала его нераскаянным злодеем; но и в злодейской душе всегда еще остается след божьего образа, как среди ночной тьмы светят звезды, хотя и нет солнца...

– Амалия! мечтательница божественная! – вскричал Флахсман.

– Нет, я не мечтательница; но к благословениям других мне хочется присовокупить благословение страшного Сохатого. За злодейство пусть судит его закон; мы поможем ему...

– *Мы!* вы не различаете моей души от вашей...

– По крайней мере, на этот раз, – отвечала Амалия, потупив глаза и краснея.

С жаром схватил ее руку Флахсман, почтительно поцеловал и бросился из комнаты. Он вышел на площадь. Казаки, увидев адъютанта, с почтением стали подле телеги.

– Комендант велел снять арестанта с телеги и отвести в гауптвахту, – сказал он.

Закрытые глаза Сохатого растворились. «Отец-спаситель!» – простонал Сохатый. Немедленно отперли цепь, которою прикован был он к телеге. Сохатый хотел приподняться, но снова упал в изнеможении.

– Он болен? – спросил Флахсман.

– Почти околеваешь, ваше благородие, – отвечал урядник, – да и больше суток не даем мы ему ни пить, ни есть, а между тем везли его беспрестанно.

Сердце Флахсмана облилось кровью.

– Разве так велено? – спросил он.

– Велено всеми мерами не допускать его до побега, и мы приложили старание, как изволите видеть, – отвечал казак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.